

БОРИС ДЫНИН

Калейдоскоп

Борис Григорьевич Дынин

Калейдоскоп. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27619688

SelfPub; 2017

Аннотация

А что такое калейдоскоп? Виртуальный мир драгоценных камней? Сапфиры, яхонты, топазы, алмазы и жемчуга? Нет, это череда событий, явлений, лиц и встреч, что подарила мне судьба. Моё богатство – это служба на четырёх флотах нашей необъятной многонациональной страны, а также в Лаосской Народно-Демократической Республике. Мне есть чем гордиться, у меня есть опыт, который, возможно, многим пригодится. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предыстория	4
Часть 1. Тихоокеанский флот	11
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Предыстория

Родился я в городе Владивостоке в интеллигентной семье. А на Маресьеве, можно сказать, вырос. Я-то не помню, но мама говорит, что бабушка, когда кормила меня, то читала мне вслух только что опубликованную книгу «Повесть о настоящем человеке». Наверное, для улучшения пищеварения. Мама моя – уникальная и яркая личность, доцент кафедры английского языка филологического факультета ДВГУ (Дальневосточного государственного университета), а папа – полковник, командир «Военморпроекта». Следы его деятельности до сих пор видны во Владивостоке.

Есть там кафе «Пингвин» в центре города. Когда это здание проектировал «Военморпроект», который возглавлял мой папа, то возникла такая проблема. У входа в это здание росло неохватное дерево. И, чтобы его сохранить, проектировщики решили отодвинуть здание в глубь от красной линии, по которой должны располагаться дома. А когда началось строительство, то первое, что сделали строители, – срубили это дерево, так как оно мешало им подвозить стройматериалы. Таким образом, стоит сейчас этот «Пингвин», несколько отдалённый от улицы. Интересно, а остался ли пенёк?

Есть во Владивостоке Матросский клуб (ул. Светланская

68). Так вот, пол в этом клубе покрыт плиткой по эскизам, взятым из бабушкиной дореволюционной книги о вязании.

И ещё. Мы жили на улице Посъетской, 17, – там, где были кассы «Аэрофлота». А чуть ниже по направлению к морю запроектировали дом. Но он мог закрыть вид на море из окна нашей квартиры. И папа приказал отодвинуть дом – опять же от красной линии – влево, дабы он не загораживал вид.

И жил я беззаботно, окончил школу, поступил и окончил строительный факультет Дальневосточного политехнического института (ДВПИ) по специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция». Поступил на работу в Дальневосточный технологический институт бытового обслуживания населения с перспективой быть направленным в целевую аспирантуру в Москву. Сдал кандидатский минимум по философии и английскому языку, а по специальности у меня к тому времени уже были три печатные статьи в сборнике статей Приморской научной конференции. И жизнь впереди казалась ровной, светлой и ясной. Но тут в мою жизнь вмешалось Министерство обороны. Окончил я ДВПИ, включая военную кафедру и пройдя офицерские сборы по военноучётной специальности (ВУС) 1409 – командир пускового взвода ракет среднего радиуса действия, класса «земля-воздух» войск ПВО (противовоздушной обороны) страны. И присвоили мне звание младший лейтенант запаса.

И вот тут Родина вспомнила обо мне. И стала слать мне повестки, которые я, наивный, отправлял спокойно в мусор-

ное ведро. Но однажды раздался звонок в дверь, и я её открыл. Там стоял парень и протягивал мне повестку. На этот раз не обычную – с красной полосой и надписью, что в случае неявки меня доставят в военкомат в сопровождении милиции. А парень, чуть не плача, сообщил, что у него жена на сносях, а его собираются забрать в армию. И, если я не подпишу корешок повестки, то его точно заберут. Я и подписал.

А наутро я пошёл в свой вуз, но вначале решил посетить военкомат. Встретили меня там как дорогого гостя и провели в кабинет военкома, который попросил предъявить паспорт. Что я, бестолковый, и сделал. Военком небрежно бросил мой паспорт к себе в сейф и сказал: «А теперь иди!» А на мои попытки объяснить он красочно рассказал, что ждёт меня двухгодичное пребывание в посёлке Чернышевка, где мы проходили сборы, и где стояло всего два двухэтажных домика, а дальше – «степь да степь кругом». Вышел я из этого заведения, ошарашенный, и отправился к проректору вуза. Рассказал ему свою грустную историю. А он быстро принял решение послать в аспирантуру другого претендента, вычеркнув меня из списка, и пожелал мне счастливого пути в Вооружённые Силы СССР. И вот тут я осознал, как может себя чувствовать отрезанный ломоть у разбитого корыта. Родители мои были в это время на курорте. Ни совета, ни помощи. Надо было что-то решать самому. Ну, я и решил.

А структуру военно-строительных органов Тихоокеанского флота я знал. И была там такая организация УМР – Управ-

ление монтажных работ. Туда я и направился утром. Встретился я с командиром этой части и рассказал ему свою горестную историю. И по его совету тут же у него на столе написал рапорт о своём желании отдать долг Родине. Проводя меня, командир сказал: «А вот теперь можешь не беспокоиться ни о военкомате, ни о своём паспорте. Иди и жди!» Ну, думаю, вот приедет папа, и мы разберёмся. Однако меня ждало ещё одно разочарование, поскольку папа сказал: «Ну..., и что ж, послужи!».

Вот так я попал в Вооружённые Силы СССР. То есть подписал с государством контракт. Со своей стороны, я брал на себя обязательства соблюдать условия игры, признать, что:

«...счастье не в том, что один за всех, а в том, что все – как один!»,

«...вместе со всеми ты скажешь – да! И вместе со всеми – нет!»

(это строчки из песни Александра Галича «Ещё раз о чёрте»).

И согласиться на то, чтобы:

– Лишиться всех прав и свобод, выполняя только обязанности;

– Месить глину и грязь, снег и сугробы сапогами, в то время, как другие добираются на работу на троллейбусах;

– Служить там, куда даже какой-то Макар телят не гонял;

– Не спать, и быть готовым по тревоге вскочить и куда-то мчаться;

– Отдать свою жизнь, если нужно, Родине. (Слава Богу, этого не потребовалось.)

А взамен государство брало на себя обязательства:

- Кормить, поить и одевать меня;
- Отпустить меня на свободу с чистой совестью в 45 лет;
- Назначить мне достойную пенсию;
- Обеспечить меня квартирой;
- Предоставить мне возможность купить машину без очереди.

Вот такой вот контракт. И я посчитал его приемлемым и подписал, ясно представляя последствия. И носило меня, как кленовый листок... И в конце мы расстались с государством по обоюдному согласию, выполнив полностью все взятые на себя обязательства. И тихо разошлись, в полном согласии друг с другом.

А пришлось послужить на всех флотах. В такой вот последовательности:

- Тихоокеанский флот,
- Черноморский флот,
- Балтийский флот,
- Лаосская Народно-Демократическая Республика,
- Северный флот и его важная частица – архипелаг Новая Земля.

А точнее:

(1971-1976) Тихоокеанский флот

Место жительства: пос. Приморский, он же пос. Советский, он же город Петропавловск-Камчатский-50, теперь город-порт Вилучинск.

Должность: производитель работ, а с 1972 г. – начальник участка.

Звание: лейтенант, а затем старший лейтенант.

(1976-1978) Черноморский флот и Одесский военный округ

Место жительства: г. Арциз Одесской области.

Должность: та же.

Звание: то же.

(1978-1982) Балтийский флот и Прибалтийский военный округ

Место жительства: г. Рига (1978-1980) и г. Ленинград (1980-1982).

Должности: старший помощник начальника монтажного направления, а с 1980 по 1982 гг. – заместитель начальника производственного отдела.

Звание: капитан, позднее майор.

(1982-1985) ЛНДР

В 1982 г. был откомандирован в распоряжение Десятого Главного управления генерального штаба и направлен для дальнейшего прохождения службы в Лаосскую Народно-Де-

мократическую Республику в должности главного инженера-консультанта, начальника группы.

(1985-1991) Северный флот

Должность: начальник СМУ (Специализированного монтажного участка).

Часть находилась в г. Мурманске.

Место проживания: пгт Белушья губа архипелага Новая Земля.

И вот теперь, выброшенный после шквалов, штормов и ураганов на берег, после полного завершения контракта с государством, я вспоминаю отрывки и сценки из моей жизни... Как в калейдоскопе. И подумал я, а, может быть, кому-нибудь, кроме меня, это тоже будет интересно?..

Часть 1. Тихоокеанский флот

*А если очень повезёт,
Тебя дорога приведёт
На Тихоокеанский флот.*

Гауптвахта

Когда я вспоминаю свои лейтенантские годы, то на ум приходят две вещи: это постоянное чувство недосыпания и слово «врезка». Конечно, не в смысле «врѣзать», то есть выпить, хотя там хватало и этого. Врезкой назывался процесс подключения нового объекта к действующим водопроводным или тепловым сетям. Происходило это, как правило, ночью. Прокладывается новый трубопровод, который утыкается в трубу действующей сети. Потом отключается сеть, и всё окружающее остаётся без воды. Дальше открываются сливные краны, и мы ждѣм, когда же труба опустеет и можно будет производить врезку. Но обычно место врезки располагается в самой нижней точке сети, и вода уходит оттуда в последнюю очередь. Вот такую врезку я делал как-то в гарнизоне Петропавловск-Камчатский-50. Ждали мы всю ночь, а вода не стекала. Поняв, что ждать дальше уже невозможно, мы начали пытаться сделать врезку при наличии в трубе воды. Тем временем настало утро, начальник гарнизона на-

правился в ванную для утренних водных процедур. А воды в кране нет. А каждый советский военачальник (на то он и командир) – большой умелец в принятии командирских решений. Он позвонил в штаб и приказал: «Дать воду, найти виновных и наказать!»

Мы к этому времени уже победили эту «паршивую» воду и доваривали последний шов. А тут к месту врезки подъехала комендантская машина, и меня пригласили внутрь. В комендатуре я предстал пред ясные очи коменданта гарнизона. А комендант этот был фигурой заметной. Любимым его занятием было выходить после обеда к толпе офицеров, которые ждали автобус, и с пристрастием их рассматривать. Он подкрадывался сзади к офицеру и неожиданно приказывал ему: «Кругом!» Затем проверял состояние шва на его шинели и в случае, если этот шов был прихвачен, как это делается в ателье, то он разрезал этот шов бритвой, приговаривая при этом: «Вот я тебе сейчас зад-то и раскрою!»

А однажды на утреннем совещании у начальника гарнизона он начал свой доклад с замечания этому начальнику гарнизона: «Товарищ полковник, у Вас носки неуставные!» Начальник снял очки, протёр их, потом снова нацепил и молвил коменданту: «Дронченко! Ты был капитаном 15 лет. На шестнадцатый я тебя сделал майором. Но это моя последняя ошибка!»

И вот я доложил этому коменданту о своём прибытии. Он мало что понял, слушая мой доклад, позвонил начальнику

штаба. Потом, почесав затылок, написал в графе о причине задержания: «Самовольный порез трубы!». По всему было видно, что этого основания для него было недостаточно. И он скомандовал: «Кругом!» Я повернулся. А он, увидев у меня торчащие из-под фуражки волосы, радостно дописал что-то про «личную недисциплинированность». Как только я добрался до нар в камере, тут же свалился и уснул. Разбудил меня грозный рык моего командира, прибывшего из неблизкого Петропавловска-Камчатского на предмет освобождения своего подчинённого. «Лежишь, отдыхаешь!!!

А кто работать будет?» И я вышел на свободу — с чистой совестью, но всё равно с чувством недосыпа.

На СРЗ

Одним из мест моей трудовой деятельности за время службы был строительный участок №2, располагавшийся на судоремонтном заводе (СРЗ). Завод этот занимался ремонтом атомных подводных лодок, к причалу этого завода было пришвартовано много кораблей, в том числе и транспорт «Забайкалье», он использовался как ПКЗ — плавучая казарма. Там жили матросы с ремонтирующихся лодок. Кроме того, там находился штаб флотилии надводных кораблей, командиром этой флотилии был в то время капитан первого ранга Капитанец. Известная и легендарная личность, но это отдельный разговор.

Вот что с ним тогда приключилось. Корабль наш был фин-

ской постройки, значит, снабжён хорошей сауной. Когда командующий намеревался попариться, то, естественно, весь личный состав с этой палубы убирался. И вот однажды вестовой командующего, мичман, нагрел сауну и потом сам удалился, забрав с собой форму командующего, чтобы её почистить и погладить. А шеф остался наслаждаться сауной, а она, как известно, была сухая и жаркая. Наш командующий, поддав ещё пара и хорошенько напарившись, решил отдохнуть, усевшись на скамейку в предбаннике. Судно, напоминаю, было финской постройки, а скамейка была выполнена из реек. Когда шеф сел на неё, рейки были сухие, а, пропитавшись влагой, они разбухли. И вот получилось так, что интимные части командующего оказались зажаты между этими рейками: вправо-влево — пожалуйста, а вверх-вниз — ну ни в какую. Тут кричи не кричи, а рядом-то никого. Когда же мичман вернулся с отглаженной формой, наш Капитанец мог только шёпотом материться, причём по-армянски. В результате мы содрали эти рейки со скамейки и прибили вместо них широкую полированную доску. А те рейки я забрал к себе в контору и прибил на стену, куда вешают одежду. Таким образом моя ничем не примечательная конторка обогатилась, можно сказать, музейным экспонатом, то и дело напоминавшим мне о том нешуточном случае с командующим.

И ещё о Капитанце

Близились учения «Океан». И перед ними на одном из совещаний обсуждался вопрос о бдительности и охране объектов. Естественно, было приказано повысить бдительность и усилить охрану. С целью проверки выполнения этих решений командующий вызвал в кабинет десять матросов и, выдав каждому бумажку с номером части, сообщил им, что каждому матросу, позвонившему сюда из этой части, будет предоставлен отпуск на родину. Вышли матросики на улицу и давай соображать. Вот, к примеру, в/ч 76543-ж. Понятно, что «ж» — это эсминцы. Подходит к кораблю матросик и спрашивает у вахтенного: «Слушай, братан, а вот эта часть здесь? Понимаешь, иду я в отпуск, и мне обязательно надо повидать землю. Пропусти, пожалуйста!» Таким образом он проникает на корабль, находит кают-компанию, где в полурасстёгнутом ки-теле командир корабля, капитан 2 ранга, вальяжно попивает чаёк. И, отдав честь по всей форме, наш матросик просит разрешить ему сделать очень важный звонок по телефону. Разморённый чаем командир разрешает. И уже через некоторое время стоит по стойке смирно, и получает вливание от командующего. Из десяти посланных на эту операцию матросов, доложились восемь (!) человек. Вот такая у нас бдительность.

Когда командующий изложил офицерскому собранию эти нелицеприятные детали состояния боеготовности частей и соединений, то один из командиров, начальник гарнизона Петропавловска-50, командир одной из важнейших частей,

доложил, что у него-то, как он выразился, «даже мышь не пролетит!». Капитанец это отметил и назавтра поручил своему помощнику, мичману, проникнуть на территорию этой части и доложить. Тот подошёл к воротам части, уселся на лавочку напротив КПП (контрольно-пропускного пункта) части, как раз у комендатуры гарнизона, и стал наблюдать. Парень он был наблюдательный и заметил, что проверяются все автомобили, кроме самосвалов. Им в кузов дежурный матрос не заглядывает. Тогда всё стало понятно, и мичман быстренько запрыгнул в кузов очередного въезжающего самосвала. И, естественно, позвонил от дежурного по штабу командующему. Долго ещё в гарнизоне вспоминали о летающих мышах.

Приближался юбилейный День Победы

Приказом командующего флотилией торжественные мероприятия должны были проводиться в помещении актового и спортивного залов одной из школ. Подготовительные мероприятия включали в себя аренду автомобилей «Волга» ГАЗ-24 у всех командиров частей гарнизона. И вот праздник наступил. С докладом выступил командующий флотилией. В заключение доклада он сообщил, что официальная часть закончена, так что присутствующие приглашаются в спортивный зал, но, поскольку нагрузка ожидается серьёзной, то тем, кто может не справиться с этой нагрузкой, разрешается покинуть данное мероприятие и разъехаться по домам на ожи-

дающих у выхода автомобилях. В спортивный зал пошли, естественно, все. Посредине зала стоял стол. Вдоль стен выстроились в полной готовности официанты. Стульев не было. Во главу стола встал командующий. Официанты подбегали и налили каждому по 100 «наркомовских грамм», накрыв кусочком хлеба; и командующий произнёс пять тостов подряд. Конечно,

- за победу,
- за нашу страну,
- за руководителя и вдохновителя наших побед (нет, не Сталина, а КПСС),
- за того парня,
- за наши Вооружённые Силы, включая ВМФ (Военно-Морской Флот).

Естественно, официанты не забывали пополнять стаканы. А после этого подали горячее и, наконец, внесли в зал стулья.

Да, были времена... А ведь всего через несколько лет этот же Капитанец, будучи уже командующим Северным флотом, объявил столицу флота город Североморск безалкогольной зоной.

Визит главкома

О визите главкома я узнал случайно. Ещё вчера я занимался прокладкой теплосети к зданию столовой, которое располагалось около главного входа на завод. Строителями уже была отрыта траншея, завезены и

уложены лотки, а я организовал доставку труб, которые даже были размещены в лотках. А сегодня, подходя к проходной, я не узнал местность. Напротив столовой блестел свежееуложенной травой газон. Как будто не было и в помине ни траншеи, ни лотков, ни моих труб. Я побежал в УНР (Управление начальника работ) узнать, в чём дело, но встреченный мной по дороге главный инженер сообщил мне: «Не волнуйся. Когда он уедет, то мы всё снова раскопаем». Так я узнал об ожидающемся посещении завода главкомом ВМФ. И поплёлся я к проходной. А там увидел, как в конце центральной аллеи сустились матросы под руководством начальника завода капитана первого ранга Пирвелли Г.М.

Они тщательно протирали асфальт швабрами, смоченными в солярке. Дорога сверкала чисто вымытым асфальтом и сильно пахла соляркой. А перед проходной я увидел машину с грузом, пришедшую ко мне. Процесс пропуска машин через КПП был не так-то прост. Если шофёром был солдат, тогда я забирал его из кабины, проводил через КПП, небрежно сказав: «Это со мной». Потом возвращался, садился за руль, проезжал КПП и передавал снова машину солдату. А вот если шофёром был гражданский, то мне приходилось доставлять машину до точки разгрузки лично. И всё бы ничего, если это была просто машина, а вот когда она была с прицепом, то начинался цирк. Мне надо было загнать машину задним ходом и попасть в узкие ворота цеха. Вокруг собиралась толпа, глазеющая на этот аттракцион и дающая советы.

В этот раз так и было. Шофёр был гражданский, так что я уселся за руль и въехал на территорию завода. Я не знаю, по каким дорогам этот автомобиль добирался сюда, но все его колёса были заляпаны глиной, которая с чваканьем отделялась от колёс и падала на чисто вымытый асфальт. Проехать по нему мне надо было каких-то пятьдесят метров, а потом повернуть направо по дороге к строящемуся цеху. Когда я уже поворачивал направо, то столкнулся взглядом с начальником завода, который во главе своих матросов со швабрами уже мчался в моём направлении. В его глазах, направленных на меня, читалось всё... Но я всё-таки доехал до точки разгрузки, вылез из кабины и побежал на балкон 19-го цеха, чтобы наблюдать за проходом главкома.

А группа офицеров и адмиралов уже выслушала доклад начальника завода о только что принятом в эксплуатацию цехе-19 и двинулась дальше по свежевыванной аллее, вдоль которой стояли плакаты с грозным призывом: «Не курить!». И тут главком притормозил и стал оборачиваться. А поскольку шеи у него не наблюдалось, то он поворачивался мелкими шагами, пока не упёрся взглядом в командующего КТОФ (Краснознамённого Тихоокеанского флота), который держал во рту длинную сигарету.

– А что это Вы здесь раскурились, товарищ командующий Краснознамённым Тихоокеанским флотом?»

– Виноват! – ответил командующий и чуть ли не проглотил сигарету.

И группа двинулась дальше по направлению к цеху-17. А пускать главкома в этот цех было категорически нельзя. Цех был сдан под монтаж, но строительные работы были не совсем окончены, а если уж говорить честно, то совсем не окончены. Но идея главного инженера УНР сработала. Группа офицеров вошла в цех. И в это же время из дальнего конца цеха с грохотом на них стала выдвигаться кран-балка, на крюке которой висел огромный ящик. Начальник завода сквозь шум доложил главкому: «Идёт монтаж оборудования». И группа вышла на воздух, направляясь к ожидающему их катеру.

Главком и его команда погрузились на катер и двинулись в посёлок Рыбачий, ныне город Вилучинск, на открытие памятника погибшим подводникам. Но это уже была другая зона ответственности. А мы разошлись, переваривая, как главком отчитал комфлота.

Анатолий Смарыго и 17-й цех

Самым главным военным строителем Камчатки, то есть начальником УИРа (Управления инженерных работ), был назначен полковник Смарыго А.К. Его окружению так и не было понятно, когда же он спит. Окно в его кабинете светилось постоянно. А его привычка на ночь глядя мчаться на какой-нибудь сдаточный объект не давала никому расслабиться. А у нас на заводе всё никак не хотел сдаваться цех №17.

И вот картинка. Прибывает Смарыго на объект часа так

в два ночи, проходит на середину цеха. Ему выносят стул, и он, усевшись на него, спрашивает дежурного солдата: «А где все?» И начинается всеобщая паника. Через некоторое время в цехе собираются все, так сказать, заинтересованные люди. В том числе и вырванный из койки и не успевший позавтракать я. И начинается разбор полётов.

– Вы собираетесь сдавать объект? Или как? Или у вас тут будет продолжаться сонное царство? А ну-ка срочно приготовить графики окончания работ и предоставить мне на рассмотрение.

Мы разбегаемся по помещениям и начинаем колдовать над графиками. А потом по очереди докладываем их суть начальнику. Надо признать, что Смарыго мог выловить ключевые моменты с поставкой материалов и оборудования, нехваткой людей, решением разных технических вопросов. И, что более важно, оперативно решить эти вопросы. Вот так, например, я вынужден был мчаться на грузовике той же ночью в свою часть, получать там комплекты унитазов и умывальников, которые мне не были доставлены вовремя, и следовать обратно.

Да... Смарыго сейчас бы назвали эффективным менеджером. И было понятно, что его довольно скоро переведут куда-то на повышение. Так и произошло, его перевели во Владивосток на должность начальника ДВМС («Дальвоенмор-строения»). Но и там он не сменил привычный для себя режим. А поскольку долго в таком режиме продолжать рабо-

тать нельзя, то он весьма скоро ушёл из жизни. Светлая ему память.

Свет в цехе

В 1974 году посетил Камчатку начальник Главного штаба ВМФ, адмирал флота Сергеев Н.Р. Прибыл он для вручения вымпела министра обороны «За мужество и воинскую доблесть» командиру подводной лодки К-408. Потом, естественно, состоялся банкет. После банкета командиры и гости погрузились на катер, чтобы пройти вдоль побережья и посмотреть, как выглядит освещённый берег, судоремонтный завод и только что сданный в эксплуатацию новый цех этого завода. Командиру УНР поступил приказ включить полное освещение объектов. Что и было выполнено.

Только в 20 часов произошла авария, и освещение нового цеха погасло. Мой коллега, начальник электромонтажного участка, бросил все свои силы на устранение этой аварии под постоянные вопли командира УНР, но устранить её последствия и включить в цехе свет ему удалось только в шесть часов утра. Утром мы сидели в кабинете командира УНР и понуро ожидали реакции командования на это событие. Раздался телефонный звонок. И... командира поздравили с тем, как ярко были освещены все объекты, а также передали благодарность адмирала. Мы все с облегчением выдохнули, правда, нам и до сих пор непонятно, куда это они смотрели.

Построение карьеры с помощью жены

На рейде города Петропавловск-50 время от времени мы наблюдали корабли «Чажма» и «Чумикан» с характерными шарами наверху. Это были корабли 35-й бригады кораблей измерительного комплекса (КИК). Народная примета гласила, что через некоторое время после ухода этих кораблей в море произойдёт какой-нибудь космический пуск. А о том, когда корабли вернутся, свидетельствовали телеграммы, которые получали жёны моряков. Ну, например, такие: «Жарь, вари и стол накрой. «Чумикан» идет домой!». А перед самым их возвращением по приказу политотдела в кинотеатре останавливали фильм, включали свет и громогласно объявляли: «К сведению встречающих. В базу входят корабли». И тут некоторые парочки распадались, и жёны мчались накрывать праздничные столы. Вот так политотдел стоял на страже нравственности морских офицеров.

А у нас в СМУ было три женщины. Это кладовщица, инженер СМУ и нормировщица. Муж этой нормировщицы, капитан-лейтенант, служил на «Чумикане» вот уже пятый год в должности механика. Родом они с мужем были из Ленинграда. Спали и видели своё возвращение в этот город. И даже в каждом отпуске находили организацию, которая была готова пригласить каплея к себе. Вернувшись из отпуска, привозили это предложение о своём переводе в Ленинград, передавали командованию, но на этом всё и заканчивалось. И вот тогда в голове нашей нормировщицы созрел коварный

план. Она стала писать письма от имени мужа. Притом всё это происходило на наших глазах, мы даже помогали ей с формулировками. А писала она по возрастающей линии:

- командиру 35-й бригады КИК,
- начальнику политотдела этой бригады,
- командующему Тихоокеанским флотом,
- члену Военного совета флота,
- министру обороны СССР,
- начальнику Политуправления Армии,
- лично Леониду Ильичу Брежневу.

И вот стали приходить ответы. Первым пришёл ответ от Брежнева. Текст писем был, как под копирку, одинаков: «Ваше письмо отправлено на рассмотрение», и дальше следовало название учреждения. Таким образом, все её письма скопились в 35-й бригаде, которая находилась на соседней улице. Там подумали-подумали и приняли решение. А капитан-лейтенант тем временем нёс свою непростую службу среди океана. И тут его вызывает командир корабля и предлагает: «Мы решили создать должность главного механика «Чажмы» и «Чумикана». И назначить на эту новую должность тебя! Естественно, с присвоением тебе очередного звания – капитана третьего ранга». Капитан-лейтенант, конечно, согласился, и уже через несколько дней примерял новые погоны. Жена же получила, наконец, заветное письмо от командира бригады: «В связи с тем, что Ваш муж назначен на вышестоящую должность и ему присвоено звание капитана 3-

го ранга, вопрос о его переводе отпадает».

Ну а когда в базу вошли корабли, и счастливый каптри (капитан 3-го ранга) сбежал с трапа на встречу с женой, хвастливо показывая свои новые погоны, то услышал вместо поздравлений: «Ну и дурак! Мы жили бы сейчас в Ленинграде!»

Мыс Лопатка

Шофёр нашего СМУ был заядлым охотником и рыболовом. И вот однажды он уговорил народ проехать на самую крайнюю оконечность Камчатского полуострова, на мыс Лопатка. Сели мы на наш ЗИЛ-131 и поехали. Вот тогда я впервые в жизни узнал, что такое бездорожье. Машина пробивалась сквозь деревья и кусты, преодолевала по кузов всяческие водные преграды, и вдруг мы вырвались на свободу. Перед нами простиралось голубое море. Прекрасные песчаные пляжи, — почище тех, которые я видал много позднее во всяческих тропических странах.

Бухта была с довольно узким входом. Примерно по центру в неё впадала река. Тотчас бросились в глаза последствия пронесшегося здесь цунами. Волна его ворвалась в бухту и ударила вправо и влево. А там находился посёлок, жили люди, и на берегу стоял рыбообрабатывающий завод. Волна была такой силы, что, ударив по домам, снесла все стены, оставив только каркасы этих домов, похожие на спички. Досталось и заводу. Все его бетонные конструкции в результа-

те удара потеряли бетон, оставив только изогнутую и покорёженную арматуру. И на полу остались только засолочные ямы, наполненные какой-то зелёной жижей. Люди так и не вернулись в эти места.

Мы проехали по берегу и только было начали поворачивать в лес вдоль реки, как вдруг узнали, что наша граница действительно на замке. Рядом с нами приземлился пограничный вертолёт, и тут начались разборки. В конце концов вопрос был улажен. Пограничники убедились, что мы не шпионы, и улетели восвояси. А дальше мы приступили к процессу браконьерства. Происходило это так.

Наш товарищ перебрался на другую сторону реки и закрепил там за дерево один конец сети. Мне же и ещё одному парню выдали по макушке срубленного дерева, и мы направились снизу вверх вдоль реки, хлопая этими деревьями по воде. А вода была прозрачная, и было хорошо видно, как косяки больших медлительных рыб лососёвой породы идут прямо на натянутую сеть. А за ними, будто торпедные катера, стаями мчались пятнистые хищники — рыба кунджа — пожиратель икры из рода голец семейства лососёвых. С виду противная, вся в белых пятнах. Река же кончалась озером, где рыбыны занимались продлением рода, брачевались. Освободившись от природных обязательств, самка и самец ещё пару дней охраняли место рождения «детёнышей», отгоняя надоедливую кунджу. А потом, потеряв все силы и уже ничего не соображая, они плыли, уносимые водой в море...

Рыба после нереста умирает, но не сразу. А плывёт себе по течению и по дороге стучается о камни, и из неё выпадают куски. Я стоял в воде, а рыба тупо тыкалась в мой сапог, а я её отгонял... Я спустился немного вниз по реке, зашёл на мост и понял, почему всё дно реки было белого цвета. То были рыбы кости.

А дальше мы готовили уху. Такую уху, пожалуй, больше я нигде не ел. Мы бросали головы рыб в чан, варили, а кости выбрасывали. Так проделывалось многократно. В конце концов уха приобрела такую консистенцию, что в ней стояла ложка. А пока уха готовилась, свободный от вахты народ заготавливал икру.

А наутро мы и наш ЗИЛ двинулись с полным чувством глубокого удовлетворения домой.

ЗКП

ЗКП — это запасной командный пункт. Как-то модным стало устраивать его у каждого фронтового соединения, то есть у округа или флота. А где надо устраивать эти сооружения? Естественно, в тылу. Вот и разработали флотские проектировщики проект ЗКП и поместили его в далёкое от Владивостока село. И пошло строительство. Однако флотские строители стали замечать, что по этому же селу снуют самосвалы с армейскими номерами. Спросили их начальство: «А что вы здесь строите»? И получили ответ: «ЗКП округа».

Всё правильно, но оказывается, что тыл округа совпал с

тылом флота. И пошли разборки. В конце концов, в Москве выяснили, что флот начал работы раньше. И окружные ребята исчезли.

ПКЗ

ПКЗ — это плавучая казарма. Я был в деловых отношениях с командиром ПКЗ «Забайкалье». Брал я у него регулярно матросиков для выполнения всяческих неквалифицированных работ. И вот по очередной надобности подхожу я к причалу, а судна на месте нет. А надо сказать, что в это время шёл ремонт причала. И когда дошло дело до работы на месте, где стояло это «Забайкалье», возникла необходимость переместить его. То есть отвести его на несколько десятков метров от стенки, переместить в сторону и снова пришвартовать к стенке. А поскольку судно своего хода не имело, эту сложную операцию производили с помощью двух буксиров. Я подождал, пока судно пришвартуют, взбежал по трапу, отдал честь флагу и спросил у вахтенного: «Где командир?». И тот на полном серьёзе ответил: «Командир после похода отдыхает». Но юмор не в этом, а в том, что назавтра командир ПКЗ появился со значком на кителе «За дальний переход», выданным ему по распоряжению командующего флотилией. Капитанец тоже был человек с юмором.

Рационализаторское предложение

Судоремонтный завод жил своей жизнью. Подводные лод-

ки ремонтировались и отправлялись в дальние автономные походы в строго обозначенное время. И вот процесс затормозился. Сдавали заводчане один отсек в лодке и проверяли его на герметичность. Нагнетали туда воздух, закрывали и ждали, глядя на стрелку манометра. А она, гадина, не стояла на месте, а падала. А где был дефект, найти не удавалось. А сроки сдачи лодки приближались. И в кабинете начальника завода проходили совещание за совещанием. И вот однажды выступил инженер по технике безопасности с предложением: «А давайте кинем в отсек дымовую шашку, создадим давление и посмотрим, где появится дым. Так мы найдём причину утечки». Идея всем понравилась, но так как на флоте все идеи наказуемы, то и поручили этому инженеру найти дымовую шашку.

А задание оказалось не таким уж простым. На флоте, конечно, были дымовые шашки, но это были большие бочки для постановки дымовых завес. А нужна была пехотная небольшая шашка. Но наш инженер был настырен и сообразителен, и он добыл в музее одной из школ дымовую японскую шашку времён войны. А дальше было просто. Кинули эту шашку в отсек, задраили его, включили компрессор и стали наблюдать. А дыма нигде не наблюдалось, да и стрелка манометра стояла недвижимо. Тут же вызвали для приёмки военпреда и подписали с ним акт сдачи. Но он сказал: «Ладно. Сбрасывайте давление, отдрайте люк и покажите мне отсек». Так и сделали и — остоленели. Всё пространство отсе-

ка было покрыто гарью. Попытались стереть, но обнаружили, что поверхность нержавеющей труб изъедена. Срочно написали в научноисследовательский институт и выяснили, что шашка была не простая, а с хлором, который грызет нержавеющую, как масло. А дальше были оргвыводы. Гарь стёрли спиртом. Лодку выпустили в рейс, но недалеко и ненадолго, вскоре вернули её на завод и заменили все трубы в отсеке.

А инженера уволили и выгнали с Камчатки. Вот уж действительно инициатива наказуема.

Сдача дома

Одной из характерных черт ушедшего в небытие СССР было приурочивание каких-нибудь событий к каким-нибудь датам. Так и мне частенько доводилось вылезать из кожи, чтобы успеть сдать объект к какой-нибудь приближающейся дате. И вот однажды пришлось подписывать сдачу жилого дома 31 декабря.

И мне, субподрядчику, начальнику участка сантехнических работ, необходимо было представить генподрядчику документы о сдаче результата своих работ. То есть каждый жилец дома должен был расписаться в том, что все сантехнические работы в его квартире выполнены, и претензий он не имеет. И тут я придумал хитрую хитрость.

Сидел мой сержант в подвале дома и выдавал жильцам сантехнические аксессуары: барашки к смесителям, пробки для ванны и просил каждого жильца поставить подпись под

номером своей квартиры. А моя хитрая хитрость заключалась в том, что я позже написал на титульном листе надпись: «Все сантехнические работы выполнены. Претензий не имею». А потом подложил листы с подписями жильцов.

И всё шло своим чередом, когда ко мне поступило сообщение о том, что в третьем подъезде забилась канализация. Побежал я туда и стал разбираться. Дело в том, что воду в дом мы дали недавно, а канализационные стояки были смонтированы задолго до этого. А ими всё-таки пользовались, вот они и засорились. Определил я место засора. Это был участок канализационной трубы от стояка до колодца. Ну не раскапывать же землю над этой трубой. И опять пришлось принимать решение. В соседней части была такая машина, называемая «нейтрализатор». Я побежал в эту часть, и мне удалось на бартерной основе, не буду уточнять на какой, выпросить эту машину. А машина эта представляла собой грузовик, в кузове которого был установлен мощный компрессор. Мы раскатали шланг от этого компрессора и засунули его в канализационный колодец, законопатив как можно тщательней щель между шлангом и трубой. И включили компрессор. Давление начало расти. А я пошёл в подвал, где мы сняли крышку ревизии со стояка и стали ждать, укрывшись в стороне от стояка. И вот давление достигло 8 атмосфер. Раздался глухой хлопок, и весь собравшийся засор рванулся вверх по стояку, выбросив небольшую порцию своего неприглядного содержимого через отверстие ревизии

в подвал. После этого весь столб этой суспензии с чавкающим звуком рухнул вниз и спокойно устремился в колодец, где мы успели уже выдернуть шланг из трубы. Я дал команду открыть краны в квартирах по этому стояку, чтобы убедиться, что с засором покончено. Мы смотали шланг и отпустили нейтрализатор. Но это ещё не всё.

Вдруг ко мне подскочил жилец однокомнатной квартиры на первом этаже. И, спросив меня: «Кто здесь главный?», попросил зайти к нему в квартиру. Я давно обратил внимание на этого жильца и его беременную жену. Уж очень они выделялись среди других жильцов. А были они оба учителями музыки в гарнизонной школе. Я зашёл к нему домой и остолбенел. Такого я не видел ни до, ни после этого.

Немного об устройстве унитаза. Унитаз в разрезе напоминает мортиру. И если подать жидкость со стороны его слива в канализацию, то он и сработает, как мортيرا. А поскольку дверь в санузел была открыта, то струя этой жидкости ударила точно в центр потолка и тут же растеклась по всей его поверхности. И весь потолок принял желтоватую окраску, а жидкость, покрывающая потолок, скапливалась в сосульки и со шлепками падала вниз.

Сцену дополняла беременная жена хозяина квартиры, которая сидела на диване, стоящем точно посреди комнаты. Она смотрела на эту картину, и её рвало на пол. Ну что я мог сказать? «Двери в туалет закрывать надо!»

Позже, когда я их встречал на улицах нашего городка, они

со мной вежливо и грустно здоровались...

Раздача слонов и материализация духов

Самой почитаемой жидкостью на флоте всегда считалось «шило», то бишь спирт. Обладатель этого напитка владел почти всеми сокровищами света белого. Вот и я имел доступ к заветной канистре. А хранителем этой канистры был начальник цеха судоремонтного завода. И я был с ним в дружеских и производственных отношениях. То смеситель у кого-нибудь дома поставить, то заменить кому надо по его просьбе унитаз, то установить у него в кабинете осевой вентилятор. Стоимость каждой такой работы измерялась в литрах и записывалась в журнале. А получал начальник цеха на складе это «шило» раз в месяц.

И вот настал день «Ч». В кабинете начальника цеха собрались кредиторы в ожидании прихода этого начальника со склада. А кабинеты руководителей располагались на втором этаже поперёк здания. Если сидеть за столом в помещении его кабинета, то через окно во всю стену хорошо просматривался весь цех. А был он заставлен какими-то конструкциями, похожими на отсек корабля. И, наблюдая за цехом, мы увидели входящего в торцевую дверь начальника с двумя канистрами в руках. Но вид его нам как-то не понравился. Такой торжественный момент, а он мрачный. Поднялся он к нам в кабинет и сообщил неприятную новость. Спирт он получил, но наливали его из бочек, на которых был изобра-

жён череп с костями, и была надпись «ЯД». И, кроме этого, он был вынужден расписаться в специальном журнале, подтверждая факт своего ознакомления с тем, что эту жидкость принимать вовнутрь запрещено. В кабинете повисла глубокая тишина, а начальник, оставив канистры, удалился в свой отсек и стал грустно заниматься там своими повседневными делами. А в это время из одного почти готового отсека вышла местная достопримечательность — дядя Вася. Он работал здесь чуть ли не с основания завода сварщиком высочайшего разряда и, естественно, был особой, приближённой к начальству. И он знал секретную информацию о времени получения «шила». Вот он быстренько избежал к нам в кабинет и, не найдя взглядом начальника цеха, обратился по старшинству — не званий и должностей, а по старшинству пребывания на заводе, — к Якову Соломоновичу. А был тот начальником расчётного бюро.

— Соломоныч, а как насчёт освежиться?

Никто из нас не успел и глазом моргнуть, а Соломонович уже открыл канистру и, плеснув «шило» в стакан, придвинул дяде Васе. Тот моментально испил дозу, запил водой из стоящего тут же графина и сказал: «Благодарствуйте!» И исчез где-то в цеховых дебрях. И тут началось... Выбежал начальник цеха. А дальше — как в фильме «Бриллиантовая рука»: «Всё пропало, всё пропало!!! Гипс снимают, клиент уезжает! Я убью его!» ...Меня посадят! Он отравился! Сейчас померёт в муках!... Да вон он опять идёт сюда. И действительно-

но, перед нами появился дядя Вася и попросил повторить. Повторил и вышел, довольный жизнью. И тут кто-то из кредиторов заявил:

– Ну и что? Так и будем сидеть и смотреть, как он всё употребит?

И начальник цеха махнул рукой, разрешив раздачу. А потом заводчане написали в центральный институт письмо с просьбой объяснить им правила пользования этим спиртом. И пришёл ответ. Действительно, в этом спирте находится ядовитое вещество, которое не удаляется из организма. Но смертельная доза наступает после пропуска через организм 10 000 литров этого вещества. Вот и я жду, когда эта доза будет достигнута.

Воспитательные армейские зарисовки

Флот – организация специфическая. Флотские должности были подвержены процессу эволюции. Так, со времён флотского строительства существовала такая должность – замкомморде, то есть заместитель командира по морским делам. Однако шутники называют эту должность «замком по морде». Должность эту занимали замполиты, а эти деятели, конечно, блистали своими изречениями. Вот кое-что из их перлов:

– У империалистов руки по колено в крови.

– Все наши предложения для них – как лбом об гороховую стену.

– А ваши оправдания для меня яйца ломанного не стоят.

Строится перед выходом на работу военностроительный отряд. И провожает его, как уже повелось, замполит вот такой напутственной речью:

– Бойцы! До меня дошли слухи, что в быту солдат нерусской национальности называют «чурками». Этого делать нельзя. Это принижает их национальное достоинство... Я долго с вами на эту тему разговаривать не буду, но вот вам мой категорический приказ. С этого времени чурок «чурками» не называть!

А вот ещё отрывок из доклада этого же велеречивого замполита по поводу Дня Победы:

– Руководители фашистской Германии того времени: Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс и другие товарищи...

Замполиты, переименованные в «заместителей командира по воспитательной работе», которых называли «гинекологами солдатских душ», славились своими речами. И недаром в войсках ходило изречение:

– Чем замполит отличается от комиссара?

– Комиссар говорит: «Делай как я!», а замполит: «Делай, как я говорю!»

Вот отрывок из выступления замполита о наглядной агитации:

– Ленинскую комнату запустили до безобразия. Захожу я туда, а все члены Политбюро лежат на столе и даже на полу, а Громыко с Андроповым – их вообще нет.

Воспитательной работой в войсках занимались по должности представители политотделов, замполиты частей и подразделений, а далее – все вышестоящие по отношению к нижним чинам. А внизу этой пирамиды был солдат.

А ещё в обязанности замполитов входило составление характеристики на подчинённого. Например, такие перлы:

«Водку пьет, но с отвращением»;

«Настолько отупел, что перестал спорить с начальством».

Но основным средством воспитания, конечно, после мата, считалась наглядная агитация. Меня умилял плакат:

«Воин! Помни! За тобой – небо столицы».

Дело происходило в глухих заснеженных лесах, в городе Савватия, откуда не только до столицы, но и до ближайшего города добраться было проблематично. В каждой казарме висели агитационные плакаты типа:

«Хочешь что-то сделать – ищешь способы, не хочешь – причины».

Особой колоритностью воспитательной работы отличались прапорщики. В ПВО (части противовоздушной обороны) вот как один, например, наставлял пришедшего из увольнения поддатого солдата о вреде пьянства:

– «ПВО» означает: «Пей. Всегда. Один!», а задом наперёд: «Организуешь Выпивку – Попадёшься!». Это тебе инструкция для службы, сынок, чтобы ты понимал, что такое ПВО.

А на попытки обвиняемого оправдаться он отвечал:

– Думал? А чем тебе думать? У тебя же всего одна извилина между ног, и той ты шевелишь только при ходьбе!

А вот к офицерам начальство применяло такое выражение об извилине:

– Думал? А чем тебе думать? У тебя всего одна извилина в голове. И та – от долгого ношения фуражки!

Авиационный разнос

Прибыла очередная комиссия во главе с заместителем командующего КТОФ по авиации, генерал-лейтенантом, по случаю проверки состояния строящегося авиаремонтного комплекса. Задача каждой комиссии — придать ускорение процессу строительства и выдать всем так называемые «фи-тили». И, естественно, весь разговор проходил на непарламентском языке. А присутствовавшие на этой встрече строители представляли собой командиров управлений и их подчинённых. Разнос был могучий. Пух и перья летели во все стороны. Самое мягкое наказание было: «уволю, сниму» и даже «разжалую». И вот всё подошло к концу, вошёл адъютант генерала, доложил о том, что самолёт к вылету готов, и подал генералу шинель. Стояла мёртвая тишина. А генерал, надевая шинель, спросил у главного строителя, полковника, начальника УИР:

– А знаешь ли ты, полковник, что такое говно?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант, знаю, – ответил тот.

– Так вот, говно – это компот по сравнению с вашей работой.

И уехал. А нам всем почему-то – полегчало.

Столкновение судов

Бывают ситуации, которые можно разрешить одним словом. Вот однажды на входе в бухту Золотой Рог столкнулись два корабля – рыболовный сейнер и сторожевой корабль. И вот разбирает это событие арбитражный суд. Состоит он из многих опытных специалистов. Идут прения, и ни одна сторона не соглашается отступить и считает виновной противоположную сторону. А в углу тихо дремлет старенький капитан. Ведущий заседание обращает на него внимание и спрашивает:

– А у Вас какое мнение по этому событию?

– А я думаю, – говорит капитан, – что не была права Варвара, что Бориса обосрала. Но не прав был и Борис — рядом с жопой не садись!

Решение тут же было принято. Ответственность распределилась пополам.

Сказ о гидранте

Стоит задача дать на объект воду. Чтобы её, милую, дать, нужно моими новыми трубами подключиться к магистральному трубопроводу. А для этого надо этот трубопровод отключить. Но вся беда в том, что по этому трубопроводу пода-

ётся вода в дом начальника нашего гарнизона. Ну как же его, родного, оставить без воды, даже на короткое время? Вот такой возник «гордиев узел». И тут подъезжает ко мне начальник строительного управления. И на высоких тонах с употреблением ненормативной лексики спрашивает:

– Ну и где вода?

Объясняю ему ситуацию. Он секунду размышляет и принимает решение. Вот это был урок мне, юному лейтенанту, пример разрубания гордиевых узлов. Он подозвал своего шофёра и хриплым от мороза и мата голосом приказал, указывая на гидрант:

– А ну-ка привяжи к этой херовине трос и дёрни его! Под силой уазика гидрант не устоял, и в небо ударил фонтан воды.

– Ну а теперь звони в аварийную службу, – сказал он мне, – и сообщи, что здесь у них течь.

В момент воду отключили, и врезка состоялась, да ещё заказчик нижайше попросил меня поставить новый гидрант.

Рыба

Как известно, лучшая рыба – это колбаса. Но это везде, только не на Камчатке. Рыбы на Камчатке много – наверное, потому что там её родина. И идёт она на нерест, поднимаясь даже по маленьким горным речушкам. Вот тут-то её, бедную, и ловят всяческими праведными, а порой и неправедными способами. Но на страже и на защите рыбы стоит доб-

лестный Рыбнадзор. А на моём участке, кроме солдат, трудились и гражданские опытные сварщики. А все гражданские, конечно же, – закоренелые рыбаки. И вот один из них дожид наконец-то до отпуска, без которого он обходился уже два года. А ехать на материк следовало, конечно, с запасом местной, камчатской продукции. Он, предварительно проставившись, как положено, за неделю до отлёта выехал на своём мотоцикле «Урал» на рыбалку. И вдруг через неделю приходит он ко мне и сообщает, что отпуск отгулял и готов снова приступить к работе. И рассказывает свою грустную историю.

Поехал он на рыбалку. Рыбалка оказалась удачной. Он нагрузил свой мотоцикл с верхом икрой, рыбой различной модификации, двинулся в обратный путь и нарвался на патруль Рыбоохраны. А те, чтобы не повадно было другим, забрали весь его улов и выкатили такой штраф, который ему пришлось покрывать всеми накопленными к отпуску средствами. Я выразил ему своё соболезнование и предложил выходить на работу. Вот до чего иногда доводит любовь к рыбе.

А рыба бывает разная, вот мне разок попалась осветительная. Однажды мы сидим за столом, главным украшением которого являлось блюдо, полное красной икры. И вдруг выключается свет. Так у нас бывало частенько, когда подводные лодки начинали зарядку аккумуляторов. Так вот. Свет то выключился, а в комнате светло. Пригляделись, а свет исходит из блюда с икрой.

– Ну и где ты её взял? – спросили мы у гостя, который

принёс это сокровище.

Выяснилось, что ловили эту рыбу в проливе, на берегу которого находились «могильники». Это места захоронения радиоактивных отходов. Естественно, их днища должны были быть герметично отделены от моря. Но, видимо, просо-
чилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.